
ВЕЛИКИЕ СРАЖЕНИЯ ВОСТОКА

Великие сражения Востока

«Точинов Виктор»

2009

Великие сражения Востока / «Точинов Виктор», 2009

Военная история Востока известна гораздо хуже европейской (во всяком случае, массовой аудитории), хотя по своим масштабам, ожесточенности, вкладу в развитие военного искусства и влиянию на мировую историю многие азиатские сражения превосходят самые знаменитые битвы средневековой Европы – Гастингс и Баннокберн, Креси и Азенкур меркнут по сравнению с войнами арабо-мусульманского мира, Золотой Орды, Индии, Китая или Японии. Новая книга проекта «Войны мечей» посвящена величайшим сражениям Востока за полторы тысячи лет – от грандиозных битв эпохи Троецарствия до завоевания Индии Великими Моголами, от легендарных походов Чингисхана до разгрома японского флота первыми корейскими «броненосцами» (1592 г.), от беспощадной схватки Тамерлана с Тохтамышем до становления сегуната Токугава.

, 2009

© Точинов Виктор, 2009

Содержание

«Ex oriente lux», или опыт войны на Древнем Востоке	5
Глава 1	19
ИСТОРИЧЕСКИЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	21
ПОЛКОВОДЦЫ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Великие сражения Востока

«Ex oriente lux», или опыт войны на Древнем Востоке

Есть одно любопытное совпадение в истории цивилизаций, создавших облик современного мира. Все они начинались с войн, которые затем обрастали эпическими преданиями. Эпосы, в свою очередь, являлись базовыми для культуры текстами: многие поколения обращались к ним не только как к литературным памятникам, но и как к своеобразным учебникам по политике, религии и военному делу.

Классическая цивилизация Греции и Рима возводит свое основание к Троянской войне. Греки боготворили «Илиаду» и «Одиссею», но и римляне полагали, что их предки – троянцы, бежавшие во главе с Энеем из горящего города. Для Ветхого Завета такого же рода событием является вторжение израильского племени под началом великого воителя Иисуса Навина на территорию Палестины. В Индии до сих пор считают боговдохновенным эпос «Махабхарата», центральным событием которого является 18-дневная битва на поле Куру. Наконец, в Китае одним из самых значительных событий, отраженных в древнейшем поэтическом сборнике «Книга песен» («Ши цзин») была битва при Муе, когда восставший клан Чжоу одержал победу над армией жестоких правителей Инь, что радикально изменило течение китайской истории.

Все эти сражения, судя по всему, имеют исторические прототипы. Историчность битвы при Муе вообще не подвергается сомнению; она датируется 1122 или 1057 годом до н. э. Троянская война, несмотря на все сложности археологического подтверждения этого события, вероятнее всего, тоже являлась реальным эпизодом средиземноморского переселения «народов моря» в XII–XI веках до н.э. Тогда же (рубеж XIII–XII веков до н.э.), скорее всего, совершались походы израильских племен во главе с Иисусом Навином.

Более всего проблем с датировкой битвы при Курукшетре. Согласно индийской эпической традиции, она произошла в начале «кали-юги» – «железного века», последней эры в истории мироздания, после которой наступит эпоха великого обновления. Кали-юга началась примерно за 3000 лет до Рождества Христова. Однако мы знаем, что индо-арии, носители мифологии, легшей в основу «Махабхараты», проникли на территорию Индостана лишь в середине второго тысячелетия до н. э. Поле Куру – одно из достопримечательностей современной Индии – находится в 160 км к северу от Дели. Следовательно, исторический «прототип» битвы при Куру должен был произойти не раньше XII–XI веков до н.э. – именно тогда индо-арии наконец добрались до окрестностей Дели.

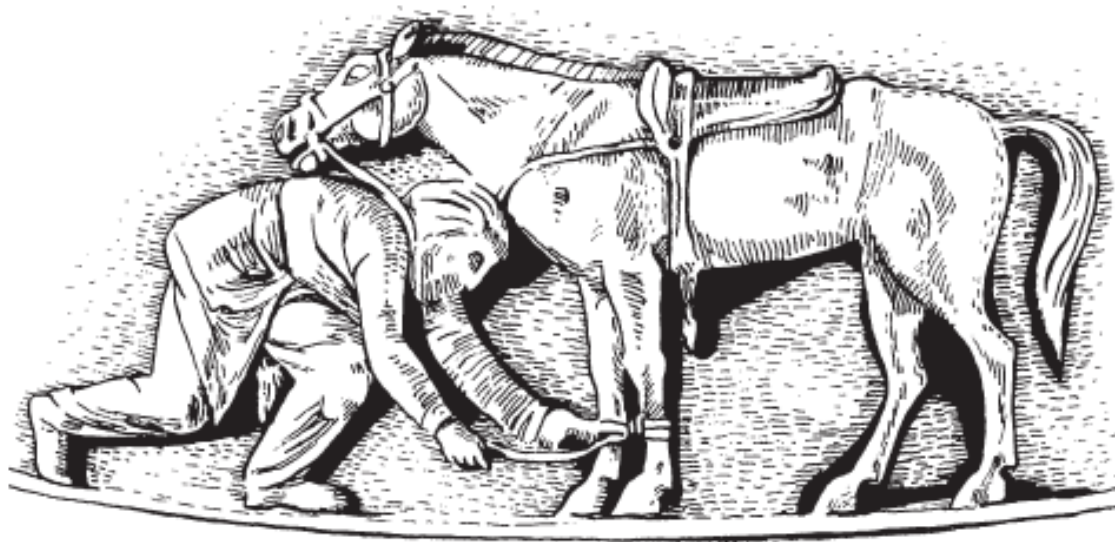
Разброс датировок великих войн древности в два столетия (XIII–XI века до н.э.) не должен нас смущать. С точки зрения «больших цифр» истории эти события произошли в одну эпоху. Данное обстоятельство только подчеркивает общую судьбу основных евразийских цивилизаций – христианской и мусульманской, в основе которых лежала история античного мира и древнего Израиля, а также индийской и китайской.

Однако войны в человеческой истории начались не с этих трех эпических событий. Цивилизации Европы, Индии и Китая имели своих предшественников – по большей части полубытых. Два года назад в Сирии археологи обнаружили остатки города примерно V тыс. до н. э., который был взят штурмом неизвестными врагами. При этом оборонявшиеся уже обладали определенными навыками защиты своего поселения – были найдены каменные и глиняные снаряды, которые использовались для метания из пращей.

Эти доисторические войны укрыты плотной завесой прошлого: никакие археологические методы не смогут восстановить их историю. Но затем на исторической арене появляются цивилизации, обладающие развитой письменностью – прежде всего месопотамская и египетская. Первыми их героями становятся князья-вожди, подвиги которых фиксируются в эпических

преданиях. Это был период войн ради славы и добычи, а не широких завоевательных кампаний в духе Тутмоса III или Кира Великого. В европейской традиции данной эпохе соответствует троянский цикл мифов.

В третьем тысячелетии до н. э. ситуация стала резко меняться. Мы не знаем подробностей войн, которые велись за объединение Нильской долины, но когда Верхний (Южный) Египет поглощал Нижний (Северный), армии победителей должны были стать многочисленными, а война – целенаправленной, делом не только правящего аристократического клана, но всего государства. Та же ситуация повторилась в Месопотамии в середине третьего тысячелетия до н. э. Здесь создателем массовых армий, скорее всего, был Саргон Древний, царь Аккадского государства, создавший первую «мировую» империю, простиравшуюся от Персидского залива до Средиземного моря. Его многочисленные войска, главным образом легковооруженные, оказались сильнее профессиональных, но небольших храмовых дружин, которые являлись костяком вооруженных сил шумерских городов-государств.

Скифский охотник стреноживает лошадь. Изображение на вазе из Чертомлыка. Низкорослая степная лошадка внешним видом напоминает лошадь Пржевальского

Возникновение обширных держав, подобных египетской или аккадской, стало причиной того, что война превратилась в продолжение государственной политики, как спустя многие века сформулирует Клаузевиц. Там, где эти державы граничили с племенами, находившимися на более ранней стадии государственного развития, возникали экзотические военные ситуации, когда племенные ополчения пытались подражать профессиональным армиям. С другой стороны, в ряде случаев именно «варварские» племена научали территориальные державы новым военным технологиям. Примером подобных заимствований могут быть гиксосы, в XVII веке до н. э. потрясшие государственные основы Древнего Египта. Их «ноу-хау» стали боевые колесницы, запряженные лошадьми. После гиксосов подвижные боевые подразделения, составленные из колесниц, появляются во всех ближневосточных армиях, и мы знаем об их массовом применении во время знаменитой битвы при Кадеше между египетской и хеттской армиями (1284 год до н.э.). Колесницы играли важнейшую роль и в Китае – например, во время упоминавшейся уже нами битвы при Муе и в следующей эпохе Чжоу.

Другим очевидным примером влияния «варварского» окружения на оседлые цивилизации становится распространение кавалерии. На Ближнем Востоке она как массовое явление возникает VIII–VII веках до н. э. Появление конных воинов (отдельные изображения которых встречаются, впрочем, и в более ранний период) связано с приходом в Предкавказье кимме-

рийских и скифских племен. Спустя столетие конницей обладали все – от фессалийских городов в Греции до Лидийского и Персидского царств. Несколько позже Великая Степь, эта уникальная посредница между западной и восточной частями Евразии, принесет моду на конницу на китайские границы.

Первыми конными жителями степей, с которыми сталкивались древние китайцы, стали юэчжи, индоевропейское племя, добравшиеся в середине первого тысячелетия до н.э. до среднего течения Хуанхэ. Скорее всего, они и были настоящими властелинами степи к северу от китайских границ, пока в конце III века до н.э. их не сменили племена хунну. Под влиянием юэчжей государства северной части Поднебесной (Вэй, Чжао, Янь, Цинь) начали создавать конные подразделения. В эпоху Борющихся Царств, закончившуюся в 221 году до н.э. победой государства Цинь, эти подразделения используются все более активно. Однако самая настоящая революция в военном деле началась при династии Хань (правила с 205 года до н.э.), когда Поднебесной пришлось решать колоссальные проблемы на северной границе, вызванные давлением хуннов. Перестройка военного дела Китая привела к тому, что эпоха колесниц ушла в прошлое.

Дольше всего колесничные войска как важная составляющая вооруженных сил сохранялись в Древней Индии. Когда Александр Македонский вторгся в Пенджаб, местные информаторы сообщали ему о могущественном государе, правившем в долине Ганга и обладавшем огромной армией, в том числе двумя тысячами колесниц. Этим правителем являлся Дхана Нанда, последний представитель династии Нандов, объединившей огромные территории на севере и востоке Индостана. Так и не сразившись с североиндийской империей, Александр вернулся в Вавилон. Но победитель Дхана Нанды, Чандрагупта, имел армию, собранную в долине Инда и составленную уже по македонскому и ирано-сакскому образцу.

В итоге запряженные лошадьми колесницы, в середине второго тысячелетия до н. э. изменившие манеру ведения боя всех цивилизаций от Египта до Дальнего Востока, оказались на задворках военной истории. Конечно же, неоднократные попытки реанимации колесничих войск зафиксированы и после «конной» революции VIII–VII веков до н.э. Так, персидский царь Дарий пытался атакой серпоносных колесниц разорвать строй македонской фаланги при Гавгамелах (331 год до н.э.). Однако это сражение стало последней «генеральной» битвой персидской армии; отсюда можно сделать вывод, что использование колесниц Дарием III было не следствием некой длительной восточной военной традиции, а актом отчаяния.

При помощи особым образом устроенных колесниц римляне пытались справиться со слонами Пирра Эпирского (сражение при Аускуле, 278 год до н. э.), однако потерпели неудачу. Серпоносные колесницы пытались использовать против римских легионов эллинистические правители – Антиох Великий при Магнесии (190 год до н.э.) и Митридат Евпатор при Херонее (86 год до н.э.). Оба эти сражения демонстрируют нам, что у «цивилизованных» народов колесницы превратились в экзотический вид вооруженных сил, который в больших войнах применялся лишь как специфическое орудие против определенных подразделений противника – и практически всегда безуспешно.

Там, где конные войска еще не заняли доминирующее положение, колесницы сохраняли свое значение вплоть до встречи с регулярными армиями развитых государств. На западе они имелись у кельтов – в частности, британских, вплоть до завоевания Британии римлянами. На юге Индии колесничные войска встречались еще в первые века нашей эры.

«Варварские» открытия и технологии быстро усваивались развитыми государственными цивилизациями (которые в большинстве случаев были оседлыми). Колесницы, конница, железное оружие и доспехи делали армии оседлых держав все более могучими и опасными. Оружие не хранилось «до лучших времен». Древние правители прекрасно понимали, что меч, остающийся в ножнах, ржавеет быстро.

Первые известные нам масштабные и «правильные» войны велись на территории Месопотамии во времена Аккадской державы, а также после ее распада. К сожалению, у нас имеются крайне скудные сведения о непосредственном тактическом уровне военных действий, о ходе многочисленных битв, характере конкретных осад, стратегическом планировании великих завоевателей II тысячелетия – вавилонского Хаммурапи, хеттского Суппилуилумы и ассирийского Тиглатпаласара I. Успехи военно-политических деятелей описываются в династических хрониках, в более или менее обширных самовосхвалениях, но сугубо военная *техника* их побед не становится предметом интереса составителей подобных текстов.

С этой точки зрения мы куда лучше информированы о военном деле в Египте второго тысячелетия до н. э. В эпоху Среднего царства Египет выходит из своего – отчасти вызванного географическими условиями – внешнеполитического затворничества и начинает походы в земли, лежащие к югу от Первого порога Нила, а затем и на Синай. Слава такого правителя, как Сенусерт III (1878–1839 годы до н.э.¹), продвинувшего границы Египта до Третьего Нильского порога, перешагнула границы его родины. Именно он стал прообразом мифического фараона-завоевателя Сесостриса, который, по словам греческих историков, подчинил не только Нубию, но также Азию и Европу.

Благодаря подробным документам, составлявшимся при египетском дворе, мы знаем историю освободительной войны против гиксосов, возглавленной фараоном Яхмосом, а также длительный период завоевательных войн Нового царства в регионе Ханаана и Сирии. Этой темы мы коснемся ниже на примере битвы при Мегиддо (1457 год до н.э.) – едва ли не первого в истории сражения, о котором нам известны и стратегические, и оперативно-тактические подробности.

Армия Нового царства является профессиональной и возглавляется профессиональными специалистами-офицерами. Со времен Яхмоса создаются военные арсеналы, система обучения войск, появляется военная разведка. Доспехи перестают быть достоянием лишь военачальников; отныне и колесничие, и линейная пехота имеют защитное вооружение. Египтяне научаются преодолевать протяженные пустынные пространства между дельтой Нила и плодородной частью Ханаана, используя целую цепь баз. Пехотные и колесничные подразделения формируют отдельные «полки», особенно хорошо известные из описания битвы при Кадеше. Возможно, происходит деление на гарнизонные части и полевую армию.

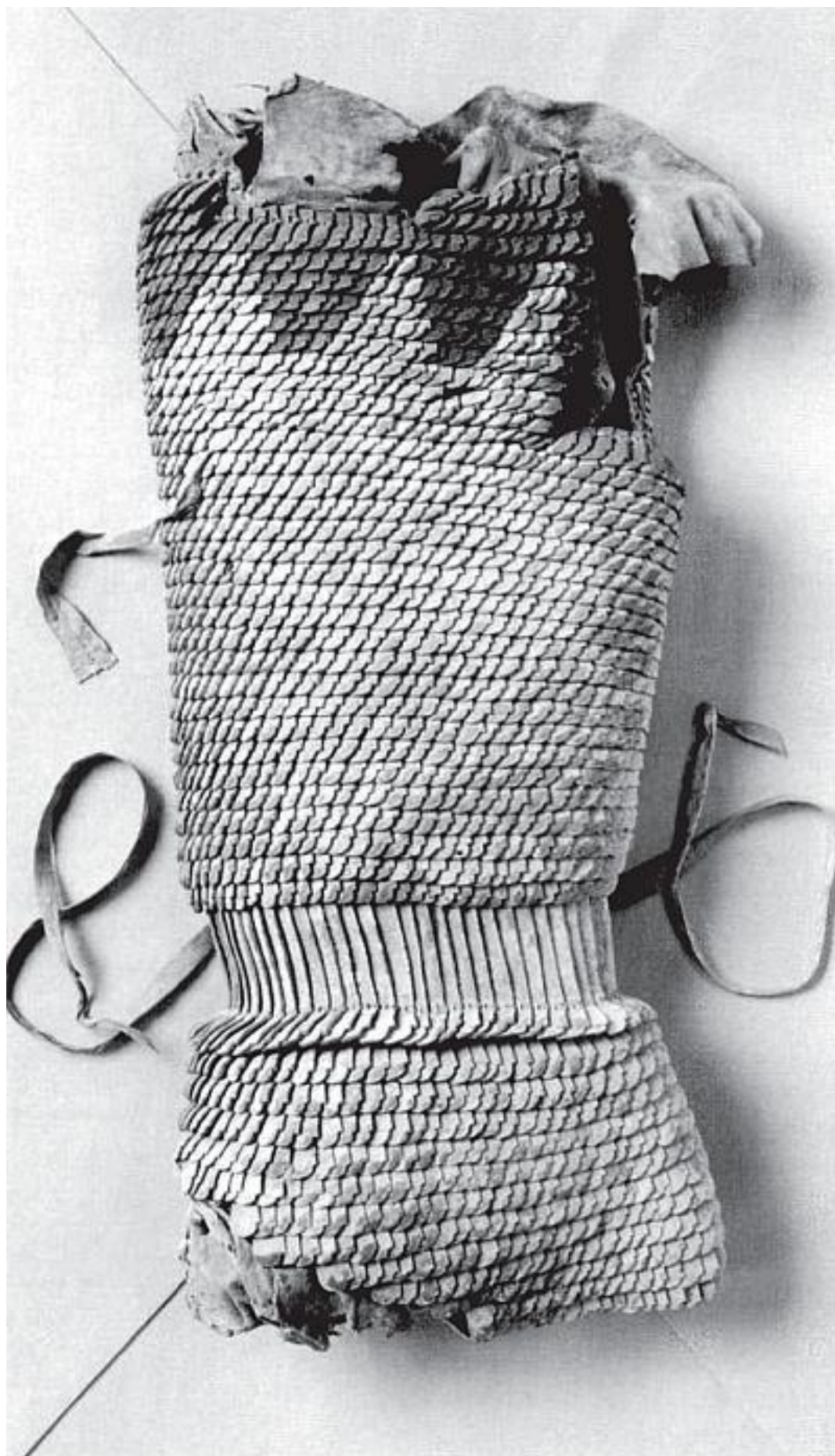
Новое царство сохраняло гегемонию в Леванте в течение двух с половиной столетий. Крушение великодержавного Египта Рамсесидов произошло в результате совпадения сразу нескольких исторических обстоятельств. Удержание господства в Леванте и Нубии требовало многих усилий и распыляло египетские войска по двум чрезвычайно удаленным друг от друга стратегическим регионам. Еще один внешний враг египтян – ливийцы, жившие в пустыне к западу от дельты Нила, оказывали давление лишь периодически, однако и здесь приходилось держать боеготовые подразделения.

Между тем главная угроза пришла с моря. В конце XIII века до н.э. начинается охватившее значительную часть Европы и Передней Азии великое переселение народов. В Египте оно известно под названием нашествия «народов моря». Преимуществом пришлых племен было не только наличие кораблей (египтяне в то время не знали настоящих мореходных судов). Есть свидетельства, что пришельцы использовали железное оружие. Сохранившиеся изображения воинов «народов моря» показывают тот тип вооружения, который в дальнейшем развивался на западе Малой Азии и в Греции.

Разрушив традиционные государственные культуры Малой Азии, «народы моря» двинулись на юг вдоль сирийского и ханаанского побережий. Некоторые племена остались в завое-

¹ Отметим, что датировки правления отдельных царей или военных событий Древнего мира в научной литературе достаточно серьезно отличаются друг от друга – в связи с той системой датировки, которую выбирает отдельный исследователь.

ванных землях, примером чему являются филистимляне, обосновавшиеся в захваченных ими у египтян Газе и Аскалоне. Другие двигались дальше. Атаки со стороны Средиземноморья, которые активно поддержали ливийцы, разрушили экономическую жизнь Дельты. Хотя фараон Рамсес III в 1173 году одержал над пришельцами убедительную победу, Египет потерял значительную часть внешних владений, а его экономика была ослаблена.

Великолепно сохранившийся образец скифского кожаного доспеха VI века из коллекции Метрополитен-музея в Нью-Йорке

Но находки египтян в организации военного дела оказались подхвачены месопотамскими государствами. Прежде всего нужно выделить новоассирийское царство X–VII веков до н.э. Хотя Ассирия и до этого знала периоды подъема, лишь в поздний период своей истории она превратилась в мировую державу. Ассирийские цари Ашшурнасирапал II, Тиглатпаласар III, Саргон II, Синаххериб, Ассархадон постоянно совершенствовали армию, в организации которой имелись черты, сближающие ее с военными традициями Нового царства.

Ассирийцы использовали профессионально подготовленные войска – прежде всего одетую в доспехи линейную пехоту, которая была обучена сражаться как развернутая по фронту, так и в строе колонн. Эта пехота вооружалась копьями, щитами и луками, что позволяло ей вносить дезорганизацию в ряды соперника еще до начала рукопашной схватки. На смену колесницам в последний период ассирийской истории пришла конница, удивительно быстро вошедшая в военный быт месопотамской империи. Ассирийцы строили военные арсеналы, имели части специального и инженерного назначения, вели разведку на территории противника и непосредственно перед сражением. Внутренняя структура их армии основывалась не на племенном или сословном делении, а на тактических принципах. Ассирийские отряды могли совершать сложные маневры, обходя противника с флангов, а взаимодействие между родами войск было на высоком для того времени уровне. Если говорить, у кого древние эллины учились военному делу, то это именно поздняя Ассирийская империя. В частности, возможно, у ассирийской армии была заимствована идея фаланги – строя тяжеловооруженных пехотинцев, который греки довели до совершенства.

Хотя ассирийские цари свято верили во многие предрассудки – например, военные действия должны были санкционироваться богами, и без получения благоприятных предзнаменований или астрологических прогнозов война не начиналась, – тем не менее ассирийскую военную машину следует назвать самой передовой из существовавших в те века. Именно она позволила ассирийцам подчинить не только Верхнюю, но и Нижнюю Месопотамию, захватив Вавилон. Сирия и Ханаан также оказались под их властью. Ассирийское владычество – пусть на более короткое время – испытали Египет и Элам, запад Ирана и восток Малой Азии.

Существует многочисленная литература по поводу географии и последовательности походов ассирийцев – благо записей, оставленных в архивах царственных завоевателей, найдено предостаточно. Однако, как и «документы» предшествовавших месопотамских империй, ассирийские источники не фиксировали особенностей тактических построений и хода битвы. В результате величайшие победы над вавилонянами и эламитами, сирийцами и владыками Урарту известны нам лишь в «назывном» порядке. Мы знаем о продолжительности сражений, об их кровавом характере, имеем полные реестры потерь противника и добычи ассирийцев. Но описаний, подобных египетскому тексту, посвященному победе при Кадеше, нет. Вся имеющаяся у нас информация разочаровывающее скудна даже в случае такой эпохальной битвы, как та, что случилась в 691 году до н.э. при Халуле, когда ассирийскому царю Синаххерибу противостояло объединенное халдейско-эламское войско.

Лишь греческие писатели приподнимают завесу над сражениями последующих владык Передней Азии – Нововавилонской и Персидской империй, но их войны входят в орбиту истории античного (греко-римского) мира.

История «регулярных» войн на Индийском континенте начинается не раньше VI века до н.э. Именно тогда в долинах Инда и Ганга складываются первые классические государственные образования, через перевалы Афганистана начинаются контакты со среднеазиатским миром, а затем и с Персией. В позднейшие времена было составлено немало преданий о войнах пер-

вых индийских государств – Магадхи, Кошалы, Гандхары и других (всего известно о 16 таких «первостранствах»), однако все они написаны на основе легендарного материала и насыщены реалиями из более поздних периодов. Это связано с особенностями древнеиндийской историографии, достаточно поздно занявшейся записью устной традиции, в результате чего военная история ранней Индии нам известна плохо.

В военной организации древнеиндийских ополчений долгое время центральную роль играли кшатрии («князья» или «воины»). Кшатрии составляли особое военное сословие («варну»), которое обладало полнотой политической власти. В легендарной индийской истории важнейшим элементом сражения являлись поединки между героями-кшатриями, которые порой решали исход битвы. Постепенно в войска привлекаются и другие сословия, появляются наемники, армии становятся массовыми. Однако вплоть до Высокого Средневековья кшатрии составляли ядро вооруженных сил.

До нас дошли лишь отдельные факты об исторически достоверных войнах последних столетий до нашей эры – вроде рассказа о разрушительной борьбе третьего царя династии Маурьев, Ашоки, против государства Калинга в 260 году до н.э., когда, по словам самого Ашоки, было убито более 100 000 человек и взято в плен более 150 000. Для индийских историков эта война является классическим примером тотального подавления противника – кстати, по преданиям, именно ее ужасы привели царя Ашоку к буддийской вере.

Об индийских армиях и их тактике той эпохи можно судить также по сражению Александра Македонского с пенджабским царем Пором на реке Гидасп (326 год до н.э.). Ядром армии Пора были боевые слоны и десятки тяжелых колесниц, на которых опирались многочисленные легковооруженные пехотинцы и конница. Александр Македонский последовательно вывел из строя вражеские колесницы (конница тут же бежала под защиту слонов), а затем опрокинул боевой порядок «элефантерии». Несмотря на то, что македоняне уже видели слонов в персидской армии, на поле боя с этими животными им довелось столкнуться впервые. Впечатление оказалось настолько сильным, что, начиная с этого момента слоны становятся обязательным атрибутом эллинистических, а потом – карфагенских армий.

Новации в древнеиндийских армиях возникали в результате контактов с греко-македонскими, а во II веке до н. э. – греко-бактрийскими завоевателями. Особую роль в формировании раннесредневековой индийской армии сыграли пришельцы из Средней Азии – племена шаков (т.е. саков – восточных родичей скифов), одно из которых создало огромную по тогдашним меркам Кушанскую империю (I–III века н.э.). Их потомки, натурализовавшиеся в Индии, впоследствии дали начало средневековой военной касте раджпутов.

Если цивилизации древнего Ближнего Востока и Центральной Азии не оставили нам теоретической военной литературы, то в Индии достаточно рано начинает возникать военная мысль. В первые века нашей эры появляется несколько канонов, в которых обсуждаются государственные и военные вопросы. Самые известные из них – «Законы Ману» и «Артхашастра». И в том, и в другом сочинении подводится опыт войн ранней истории Индии, формулируется настоящий кодекс поведения героя на поле боя – и в то же время даются советы, которым позавидовал бы сам Макиавелли.

История военного дела Древнего Китая, а также ранняя китайская военно-теоретическая мысль достаточно подробно описаны в первой статье настоящего сборника (о битве у Красных скал), поэтому мы ограничимся лишь несколькими моментами. Военные традиции Поднебесной долгое время развивались самостоятельно, вне контактов с другими развитыми цивилизациями. Уже при первой исторической китайской династии Шан/Инь (XVI–XI века до н.э.) был введен территориальный принцип набора в армию, однако основой территориального деления являлась клановая система, и каждый из отрядов представлял какое-либо подвластное племя или клан. Один из таких кланов – Чжоу – и захватывает власть после битвы при Муе.

Войны с варварскими племенами, происходившие в эпоху Чжоу, чаще всего были успешны для китайцев и привели к значительному территориальному расширению государства. Однако раздробленность, которая нарастает в Чжоу с VIII века до н.э. и была вызвана, помимо прочего, сохранившимся клановым характером власти на местах (даже если владыкой над неким округом становился представитель правящей династии, он быстро превращался в представителя местных клановых объединений), приводит к тому, что возникают частые внутриварварские войны.

Постепенно формируются семь государств, которые будут главными персонажами эпохи «Борющихся царств». При этом некоторые из них, по мнению самих же древних китайцев, имели «полуварварский» характер, унаследовав отдельные стороны военного дела от завоеванных или пограничных племен. С этой точки зрения самое западное, граничившее с Тибетом и Степью, царство Цинь оказалось наиболее подготовленным к тотальным войнам, и именно оно совершило объединение Поднебесной.

Жанр предисловия не предполагает развернутых описаний отдельных битв. Тем не менее хотелось бы сказать несколько слов об одном из наиболее легендарных сражений древности, произошедшем при ханаанском (палестинском) городе Мегиддо и оставшемся не только в памяти победителей-египтян, но и в памяти побежденных – ханаанских племен, от которых ее унаследовали пришедшие сюда спустя два столетия евреи. Не слишком масштабное по количеству участников и по числу жертв, оно тем не менее имело важное военно-стратегическое значение, положив начало более чем двухвековой гегемонии Египта в Леванте. Возможно, именно этот факт, а также реваншистские надежды местных племен привели к возникновению предсказания об Армагеддоне – битвы между силами добра и зла, которая произойдет в конце времен. Ее местом станет долина близ древнего города Мегиддо.

Обычно первый поход Тутмоса III, который и привел к описываемому нами сражению, связывают с возобновлением экспансии Нового царства в северном направлении, приостановившейся в конце правления женщины-фараона Хатшепсут (1479–1458 до н.э.).

Первым египетским фараоном эпохи Нового царства, совершавшим регулярные походы за пределы Синайского полуострова, был дед Тутмоса III, Тутмос I. Эта экспансия вызывалась не только усиление египетского государства и превращением его в «империалистическую» державу, за ней могли стоять и геополитические мотивы. Согласно одной из гипотез о первоначальной родине гиксосов, последние пришли из Ханаана. Следовательно, эта территория была для Египта потенциальным источником опасности. Создавая своеобразное «предполье» перед синайской границей, Тутмос I добрался до Евфрата, где столкнулся с государством Митанни.

Митанни представляет собой одну из загадок ближневосточной истории. Оно возникло на левобережье Среднего Евфрата в XVI веке до н. э. Основным населением его были хурриты, однако среди правящей элиты имелись люди, говорившие на языке, близком древнеиндийскому санскриту. Какими ветрами их занесло в Переднюю Азию, остается только догадываться. Митаннийцы сражались на боевых колесницах; сохранившиеся свидетельства об их военном деле напоминают описания военного дела гиксосов.

Тутмосу I удалось одержать победу над митаннийцами и поставить во главе большинства сирийских и ханаанских городов-государств проегипетских правителей. Однако реальный контроль над северными территориями египетские цари были вынуждены поддерживать при помощи регулярных походов. Как только при Хатшепсут военное присутствие египтян в Ханаане уменьшилось, произошло восстание, поддержанное эмиссарами Митанни.

Тутмос III, который оставался в тени своей матери в течение всего ее правления, едва оказавшись на престоле, оказался вынужден решать сложнейшую задачу. Контроль над Ханааном был утерян. Лишь Газа и город Шарухен на самом юге нынешней Палестины сохраняли верность Египту. К северу от них полыхало пламя восстания, на помощь которому пришел

правитель крупнейшего города в Сирии – Кадеша на Оронте. Восставшие собирали ополчение, которое, как мог предполагать Тутмос III, предназначалось не для защиты освобожденных территорий, а для экспансии на египетские земли. Если армия Митанни перейдет Евфрат и соединится с восставшими, ситуация может стать критической.

Тутмос (на самом деле это имя по-египетски звучит как «Джехутимесу»), которому в то время исполнилось около 30 лет, решил немедленно исправить ситуацию. В Нильской дельте была собрана армия, которая в начале апреля 1457 года до н.э. выступила в поход. Спустя десять дней она достигла Газы, миновав Синай – самую засушливую часть своего пути. Именно эта часть похода Тутмоса III заставляет многих современных исследователей полагать, что он привел с собой в Азию едва ли многим более 10 000 человек. Колодцев, которые могли бы напоить такое число людей, практически не имелось, воду приходилось везти с собой, а огромный обоз из повозок с водой и провиантом сделал бы большую армию совершенно неповоротливой. Возможно, позже к фараону присоединились отряды из гарнизонов Газы и Шарухена. Но и это могли быть не более 1–2 тысяч солдат.

Однако восставшие придерживались оборонительной тактики, и это демонстрирует их слабость по сравнению с экспедиционными силами египтян. Скорее всего, армия ханаанейн под Мегиддо была на четверть или на треть меньшей численности, чем войска Тутмоса III.

Мегиддо лежит на восточных склонах хребта Кармель, оседлав важные дороги, ведущие из южной части тогдашнего Ханаана в северную, и из прибрежной области в сторону Транс-Иордании. К тому же он несколько удален от Газы и Шарухена, что позволяло повстанцам подготовиться к бою при известии о подходе египетской армии.

Изображение скифского воина из дворцового комплекса в Персеполесе, V–IV века до н.э.

После краткого отдыха в Газе армия Тутмоса III подошла к городку Йехем, лежавшему у юго-западных склонов Кармельского хребта. Отсюда в сторону Мегиддо вело три дороги. Самый короткий путь через хребет очень быстро превращался в пастушью тропу длиной более 15 км, которая к тому же шла через теснины. Другая дорога огибала Кармельские горы с севера,

она была более удобна для движения армии, но заставляла египтян после подхода к Мегиддо сражаться с перевернутым фронтом. Наконец, южный путь огибал горы с юга, со стороны селения Таанах. Именно его готовились защищать повстанцы. Их уверенность зиждилась на близости мощной крепости Мегиддо и на том факте, что позиция к югу от этого города была хорошо подготовлена к обороне. Они не ожидали никаких неожиданностей от неприятеля, настолько очевидным им казался следующий ход египтян. В итоге центральный путь не охранялся: для армии, ударную силу которой составляли колесницы, он казался непроходимым.

Решение Тутмоса пойти вопреки очевидности и направиться именно по пастушьей тропе показывает нам, что молодой еще фараон был не просто мужественным и решительным воином, но и обладал явным стратегическим и оперативно-тактическим чутьем. Ему пришлось сломить сопротивление офицеров своей армии, которые считали путь по теснинам губительным. Подавая пример, фараон шел во главе своих войск, и уже на рассвете следующего дня передовые отряды египтян миновали самые тяжелые места этого пути близ теснины под названием Аруна. Местами колесницы пришлось нести на руках, а лошадям завязывать глаза, чтобы они не видели пропасти.

Двигающаяся подобно североамериканским индейцам – человек за человеком, след в след, – египетская армия должна была потратить на преодоление теснин Аруны и выход к равнине под стенами Мегиддо не один час. Возникает закономерный вопрос: отчего ханаанские князья не воспользовались этим и не напали на передовых воинов Тутмоса, пока остальные египтяне еще шли по горной тропе? Обычно причину видят в том, что появление противника оттуда, откуда его не ждали, ошеломило повстанцев. Но даже в этом случае непонятно, отчего среди них не нашлось хотя бы нескольких решительных князей – ведь достаточно было одного энергичного усилия, чтобы запереть «бутылочное горлышко».

Рискну предположить, что причина была не только в моральном факторе. Скорее всего, главные силы союзников находились достаточно далеко от стен Мегиддо, чтобы быстро вернуться к центральной дороге – и Тутмос III – наверняка знал об этом, когда принимал решение о пути движения своей армии. Возможно, информацию принесли перебежчики, но не менее вероятно, что здесь хорошо сработала разведка египтян.

Как бы то ни было, повстанцам понадобилось почти столько же времени, чтобы построить свои войска к западу от Мегиддо, сколько армии Тутмоса III для преодоления последнего участка пути и развертывания в боевые порядки. Впрочем, в тот день сражения так и не произошло – обе армии просто заночевали друг напротив друга.

Битву, начавшуюся на следующий день, египтяне приняли, занимая превосходные позиции. Их левый фланг охватывал Мегиддо с северо– запада, перерезая дорогу, ведущую на север, и усложняя бегство противника в случае его неудачи. Правый (южный) фланг защищала от охвата река Кин – что может быть косвенным свидетельством правоты нашего предположения об основной позиции ханаанеян к югу от города. Сам фараон возглавил центральные подразделения.

Обход, совершенный Тутмосом III, сделал победу египтян делом техники. По описанию египетского летописца, повстанцы так и не смогли развернуть свои отряды правильным строем. Они попытались отбросить левый фланг противника, но потерпели неудачу. Вслед за этим последовала атака отрядов самого Тутмоса III, которая привела к быстрому крушению повстанческой армии. Бросая колесницы и оружие, бежали и ханаанские князья, и простые воины. Ворота крепости Мегиддо захлопнулись преждевременно, поэтому беглецов вручную затаскивали на городские стены.

Разгром был сокрушительным, однако борьба на этом не закончилась. Сразу после победы египетские войска бросились грабить лагерь противника, находившийся в отдалении от Мегиддо, и благоприятная возможность воспользоваться паникой среди защитников крепости оказалась упущена. Лишь после семимесячной осады повстанцы капитулировали.

Первый поход Тутмоса III только открыл длительную серию войн за гегемонию на Ближнем Востоке. Всего египетский фараон провел 17 походов, во время которых переправлялся через Евфрат и, возможно, захватил столицу Митанни – таинственный город Вашшукани. Лишь 20 лет спустя после сражения при Мегиддо последние корни сопротивления египетской власти были вырваны, и территория от Синая до Евфрата оказалась под владычеством Тутмоса III и его наследников.

В завершение предисловия хотелось бы остановиться еще на одном обстоятельстве, требующем дальнейшего изучения. Исследователи военного дела давно отметили процессы передачи навыков ведения войны между евразийскими государствами, даже не знавшими о существовании друг друга. Раннесредневековый конный стрелок, снабженный крепким панцирем, гуннским луком, копьем и мечом, которым так восхищался византийский историк Прокопий Кесарийский, ведет свое происхождение из восточных окраин Великой Степи и впервые появился, по-видимому, на гуннско-китайском пограничье. Использование слонов в боевых действиях также было восточным, индийским открытием, которое оказалось востребовано в средиземноморском мире.

Нас восхищают военные достижения македонской фаланги, римских легионов, рыцарских ополчений, героев средневековой реконкисты, но нужно помнить, сколь многому греки научились у ассирийцев и вавилонян, римляне – у пунов, византийцы – у гуннов и персов, средневековые воинства – у арабов, половцев и татаро-монголов. Победы западных государств на полях сражений сменялись периодами поражений и неудач, и не столь существенно, кто в течение истории Древнего и Средневекового мира получил «преимущество по очкам». Важно, что война – это еще и диалог, во время которого противники обменивались самыми разнообразными навыками, от собственно военных до культурных и даже религиозных.

В основном нам известно то, как западные государства ассимилировали восточные военные традиции. Обратные процессы исследованы значительно меньше. Кочевые цивилизации (от скифско-сарматской до печенежской и половецкой), с которыми сталкивались европейские государства, не оставили письменной традиции. Монголы в XIII веке достаточно серьезно превосходили своих европейских противников, чтобы рефлексировать над особенностями их военного дела. Что касается «оседлых» соперников западных государств, то здесь ситуация осложняется тем, что вплоть до периода развитого Средневековья историческая традиция восточных культур дает нам слишком мало информации на эту тему. Удивительно, но даже иранские государства Ахеменидов (древняя Персия), Аршакидов (Парфия) и Сасанидов (раннесредневековая Персия), прямо граничившие с Грецией, Римом и Византией, не сохранили истории эволюции своих вооруженных сил в связи с западной угрозой. Мы можем отметить лишь некоторые сюжеты. Так, во время войны против Александра Македонского Дарий III вооружил часть своих пехотинцев на греко-македонский манер. Об этих подразделениях совершенно определенно идет речь во время описания сражения при Иссе (333 год до н.э.). Впрочем, последнему персидскому царю они ничем не помогли, бежав при первом же столкновении с противником.

От эпохи Сасанидов до нас дошла информация о латных пеших воинах-дайламитах (см. о них в описании битвы при Кадисии), которые составляли костяк иранской армии во время многочисленных войн с Византией и, возможно, появились не без римско-византийского влияния. Несомненную роль в эволюции военного дела Средней Азии и Индии сыграли завоевательные походы греко-бактрийцев во II веке до н. э. Следы этого влияния видны в военном деле Индии раннего Средневековья. Но обнаружить других явных примеров западного воздействия мы не можем.

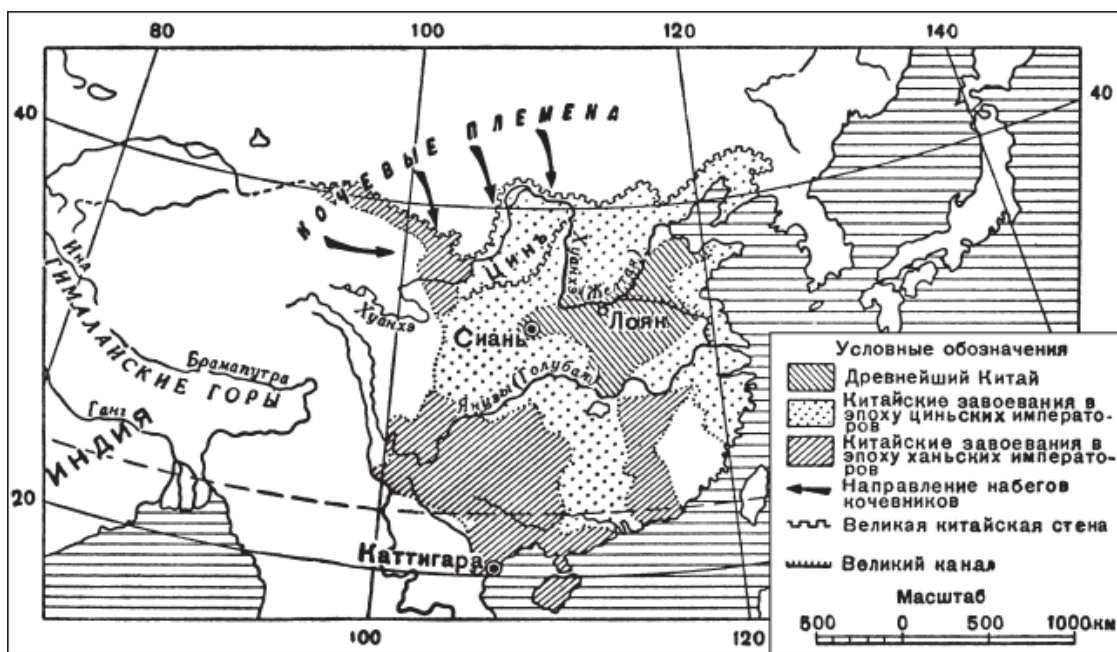
Остается лишь сожалеть, что наши знания о военной истории восточных государств столь неполны. Поэтому книга, предлагаемая вниманию читателя, имеет своей задачей не только

передать «аромат» восточных войн, но и показать, насколько многообразна и сложна судьба восточных цивилизаций.

Глава 1

БИТВА У КРАСНЫХ СКАЛ – ВЫДАЮЩЕЕСЯ СРАЖЕНИЕ ЭПОХИ ТРОЕЦАРСТВИЯ (21 ноября 208 года)

Русский читатель привык судить о военном искусстве по многочисленным примерам войн, так или иначе касающихся государств Европы. Сочинения греческих и римских историков и полководцев, рассказывающие о великих сражениях и походах; исследования о всевозможных турецких и монгольских нашествиях; книги о Ганнибале и Александре Македонском, Чингисхане и Тамерлане, Наполеоне и Суворове – все они обычно ничего или очень мало говорят о военной истории такой великой и древней цивилизации, как Китай. А ведь это государство точно так же расположено на Евразийском континенте. И мало того, что его военная историография чрезвычайно богата, она имеет свою замечательную особенность. В отличие от истории «европейской» – работ античных историков Ксенофонта, Фукидида, Геродота и других, – ориентированной на подробное изложение наиболее выдающихся битв, «китайская» историография предпочитает хранить лишь «резюме» великих сражений, в первую очередь уделяя внимание теоретическим разработкам военных мыслителей.

Древний Китай

Трактаты по военному искусству начали создаваться в Китае задолго до нашей эры. Самыми известными из них являются сочинения Сунь-цзы и У-цзы.² Немалое число подобных произведений было составлено также в начале эпохи «Борющихся царств» (403–221 годы до н.э.), но большинство из них не дошло до нашего времени. Вероятно, наиболее бережно, от

² Сунь-цзы – полководец и военный советник царства У в годы правления Хо-люй (514–495 годы до н.э.). О нем в одном из трактатов IV века до н.э. говорится: «Был человек, который имел всего 30 тысяч войска, и в Поднебесной никто не мог противостоять ему». У-цзы (440–361 годы до н.э.) – китайский полководец и политический деятель. Имел репутацию человека безукоризненной верности своему слову. Согласно «Ши-цзы», когда бы ни обсуждались военные теории, Сунь и У неизменно упоминались вместе.

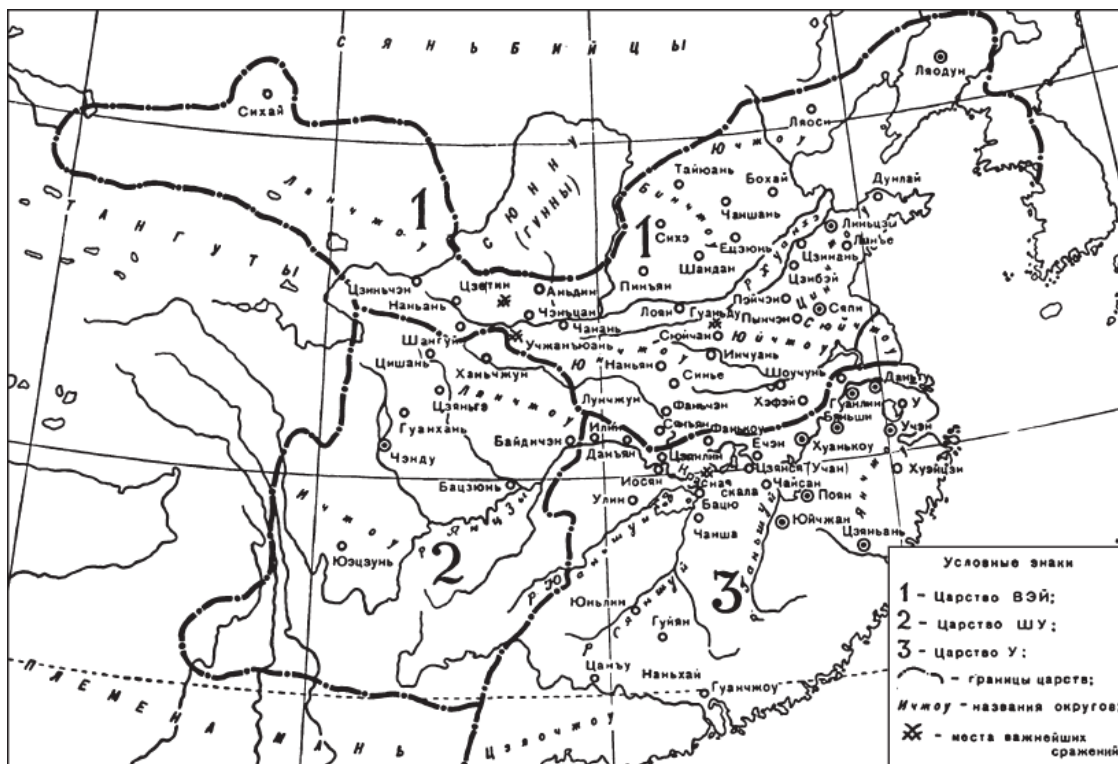
поколения к поколению, передавались лишь особо достойные сочинения, и к началу нашей эры на их основе в Китае появился уникальный военный канон У-Цзин. Любопытно отметить, что вся военная деятельность наших замечательных полководцев Суворова и Кутузова во многом подтверждает действительную эффективность китайского военного канона. А о Чингисхане, Тамерлане и Наполеоне достоверно известно, что они знали китайские трактаты о военном искусстве. Но и это еще не все.

В Китае на базе Военного канона сложился образ идеального полководца, олицетворением которого стал легендарный мудрец-даос Чжугэ Лян, ныне популярнейший, всенародно любимый в Китае персонаж знаменитой эпопеи «Троецарствие», экранизацию ключевого момента которой – битвы у Красных скал – отечественные кинозрители имели возможность посмотреть в августе 2009 года. Китайское выражение «Мудрость Чжугэ Ляна» соответствует европейскому «Соломонову решению». Есть в Китае и храм Чжугэ Ляна, и его каменная статуя, а недавно там установлена бронзовая статуя высотой 20 метров и весом 35 тонн – это самое крупное в стране изображение человека в бронзе... Однако этот великий полководец заслуживает известности не только в своей стране – и мы надеемся, что эта статья явится убедительным тому подтверждением.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Период «Борющихся царств», когда китайское государство пребывало в состоянии раздробленности, сменился властью империи Цинь, продержавшейся, впрочем, недолго – с 221 по 207 год до н.э. После короткой гражданской войны в Китае утвердился династия Хань, просуществовавшая до начала III в. н.э. Ханьская империя являлась одним из крупнейших государств, существовавших на рубеже древнего мира и средневековья. По территории, количеству населения и уровню цивилизации рядом с ней в то время можно было поставить только Римскую империю и центральноазиатскую империю Кушанов.

Хань раскинулась на огромном пространстве от Тихого океана до Средней Азии и от Маньчжурии до Индокитая. По переписи 2 года до н.э. в стране насчитывалось около 60 млн человек. Это был народ древней цивилизации, имевшей полуторатысячелетнюю историю. Тотальная централизация власти, столь благотворно сказавшаяся на благосостоянии государства в первые два века империи, в начале нашего тысячелетия начала давать отрицательные результаты. Поскольку правительство нуждалось не столько в толковых, сколько в покорных чиновниках, оно нашло их в лице евнухов.

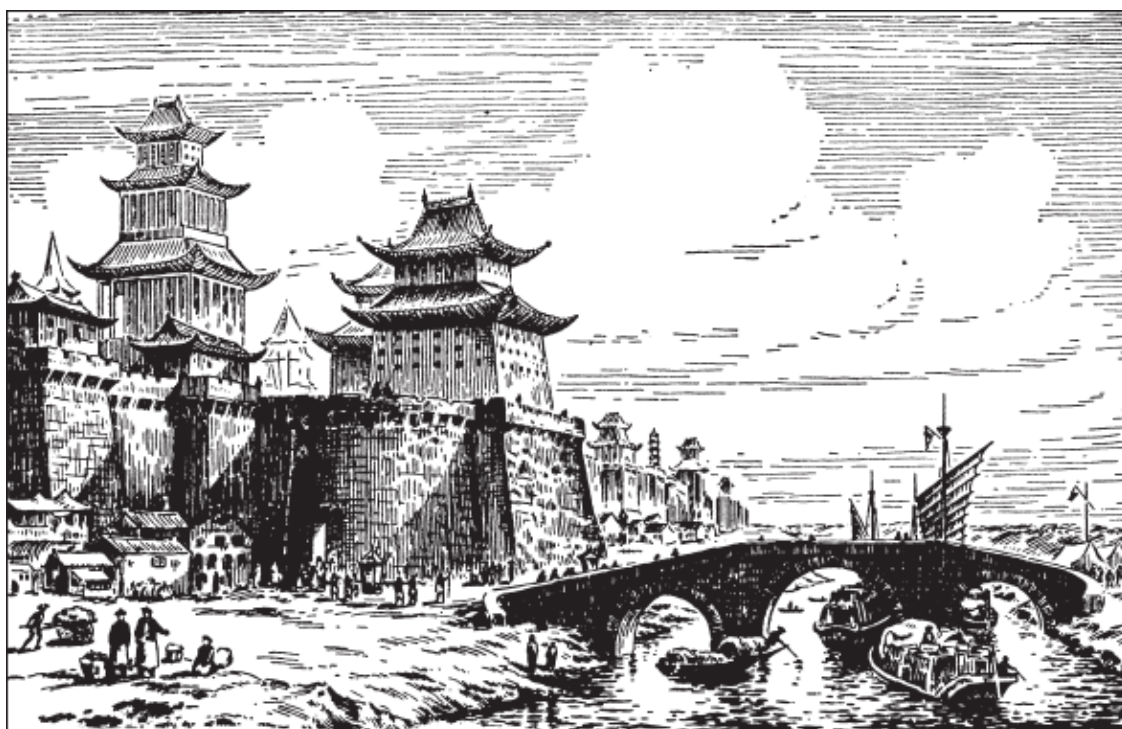

Китай в эпоху Троецарствия

Практика использования евнухов была в Китае не нова, но во II веке н.э. она превратилась в систему. Постепенно евнухи, набравшиеся из низших слоев населения, заняли все ведущие должности, образовали своего рода касту и сосредоточили в своих руках власть. Им, осуществлявшим контроль над правительством, подчинялась даже армия. Их не стесняли никакие традиции. Они выполняли любую волю деспота – и при этом при помощи взяточничества составляли огромные состояния, вызывая ненависть народа. Попытка чиновничьих родов, ориентированных на конфуцианские идеалы ранней Хань (т. н. «партии ученых»), свергнуть

власть евнухов в 169 году закончилась полным провалом. Ситуацию обостряла череда неурожаев и вызванный ими голод, охвативший в середине II века практически весь Китай.

В 184 году некий Чжан Цзяо, связанный с даосскими сектами, объявил себя воплощением «Желтого неба» – то есть «Неба справедливости», в противоположность «Синему небу» (так восставшие называли династию Хань), небу государственного произвола, и поднял восстание «желтых повязок», в котором приняло участие до полумиллиона человек. Хотя восстание было подавлено, оно сыграло решающую роль в распаде Ханьской империи. Отметим, что движение «желтых повязок» было не только крестьянским бунтом или политическим восстанием. Оно ознаменовалось также мощным идеологическим сдвигом: в противовес официальному и чаще всего поверхностному конфуцианству все большую силу стала набирать философская система Лао-цзы – даосизм.

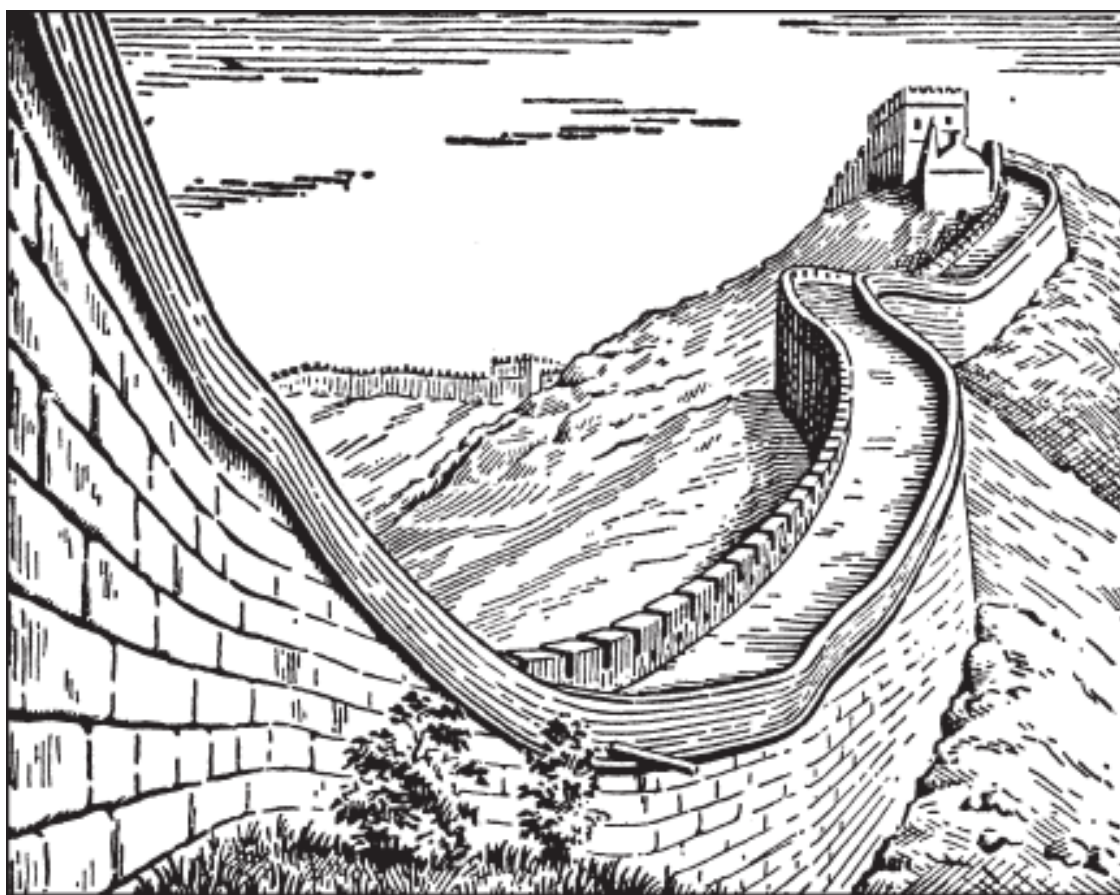
Крепостная стена Пекина

Несмотря на то, что против династии выступила практически вся страна, перевес сил был все-таки на стороне центральной власти, так как армия осталась верна своему долгу. С регулярными войсками – латыными конниками и арбалетчиками – восставшие крестьяне тягаться не могли. Но тем не менее дни империи стремительно катились к закату. Летом 189 года скончался император Лин-ди, оставивший двух малолетних сыновей, которых звали Бань и Се. В результате страна сразу же раскололась на два лагеря, поддерживавших сыновей покойного правителя. Находящиеся в Лояне войска взяли приступом дворец и перебили всех евнухов, а фактически – все правительство. На другой день в столицу явились регулярные войска из Шэньси, и власть захватил полководец Дун Чжо. Чтобы упрочить свое положение, он сместил с трона Баня и заточил его в тюрьму. Вскоре после этого мальчика убили, и на престол был возведен Се под именем Сянь-ди.

Если управление евнухов породило в стране народное недовольство, то солдатский произвол вызвал взрыв возмущения уже у имущих классов. На борьбу с Дун Чжо и армией поднялись крупные землевладельцы и провинциальная знать – класс, успевший сформироваться в политическую силу во время подавления восстания «желтых повязок». Теперь он начал борьбу

с правительством под лозунгом защиты императора и восстановления порядка. «Земское» ополчение разбило войска диктатора, заняло развалины столицы и... распалось на враждующие друг с другом группировки. Между его полководцами не оказалось и тени единства – каждый думал только о себе и поспешил в свой округ, страшась недавних друзей. Преследовать Дун Чжо бросился лишь один-единственный военачальник по имени Цао Цао. Но не его ополченцам было равняться с регулярной армией: Дун Чжо заманил Цао Цао в засаду у Жунъяна и разбил его наголову. После этого ополчение развалилось окончательно, Дун Чжо укрепился в Чанане и, имея в своем распоряжении императора, рассылал указы от его имени.

Но Цао Цао не сдался. Он бежал в родную провинцию и начал серьезно готовиться к войне – объявил рекрутские наборы и обратился к князьям с предложением объединить силы. В 192 году, усмирив очередную вспышку активности «желтых повязок» в своей провинции, Цао Цао включил в свои войска сдавшихся мятежников и в результате оказался во главе сильнейшей армии. Это побудило его устремиться к дальнейшим завоеваниям.

Великая Китайская стена. Начата постройкой в IV–III веках до н.э.

Тем временем Дун Джо, отличавшийся чрезвычайной жестокостью и самодурством, был убит своими генералами, и Цао Цао, дабы спасти беззащитного императора, вывез его в свою провинцию, где император Сянь-ди фактически превратился в его пленника. Этот шаг Цао Цао отнюдь не способствовал объединению страны, наоборот – он стал идеологическим основанием для борьбы с зарвавшимся военачальником. Лю Бэй (162–223), дядя юного императора, поднял свои войска и захватил Суйчжоу.

Осенью 199 года разгорелась настоящая война за трон. Цао Цао разгромил высланную против него армию, но развить успех не смог: зима приостановила военные действия. Весной 200 года Цао Цао в битве при Байма вновь разбил авангард своих противников. Но в это время у

него в тылу, в Жунани, вспыхнуло новое восстание «желтых повязок», и, усмиряя мятежников, Цао Цао потерял темп наступления. Осенью того же года он все-таки возобновил наступление и снова разгромил войска своих противников при Гуаньду, а летом следующего года – при Цантине.

Тем временем неугомонный Лю Бэй перебрался в Жунань и, по примеру Цао Цао, включил в свои войска разбитых «желтых», намереваясь ударить в тыл Цао Цао и взять беззащитный Сюйчан. Однако Цао Цао с легкими войсками форсированным маршем успел вернуться к Жунаню и победил Лю Бэя.

Вскоре войско Цао Цао за счет включения в его ряды сдавшихся отрядов северных губернаторов и «желтых повязок» возросло до 1 миллиона человек. Главной силой армии были латники и конные лучники, которых Цао Цао привлекал щедростью и возможностью быстрой карьеры. Равной армии на тот момент в Китае не было, как не осталось и полководцев, равных Цао Цао по опыту и хитрости. Казалось, власть Цао Цао над всей империей – дело ближайшего будущего. Так думал и он сам, а потому объявил своей целью объединение всего Китая под властью императора, и, усмирив север, направил гигантскую армию на юг, чтобы, во-первых, окончательно покончить с Лю Бэем, а, во-вторых, привести к покорности Сунь Цюаня (182–252), владевшего фактически независимым княжеством У, контролировавшим долину Янцзы.

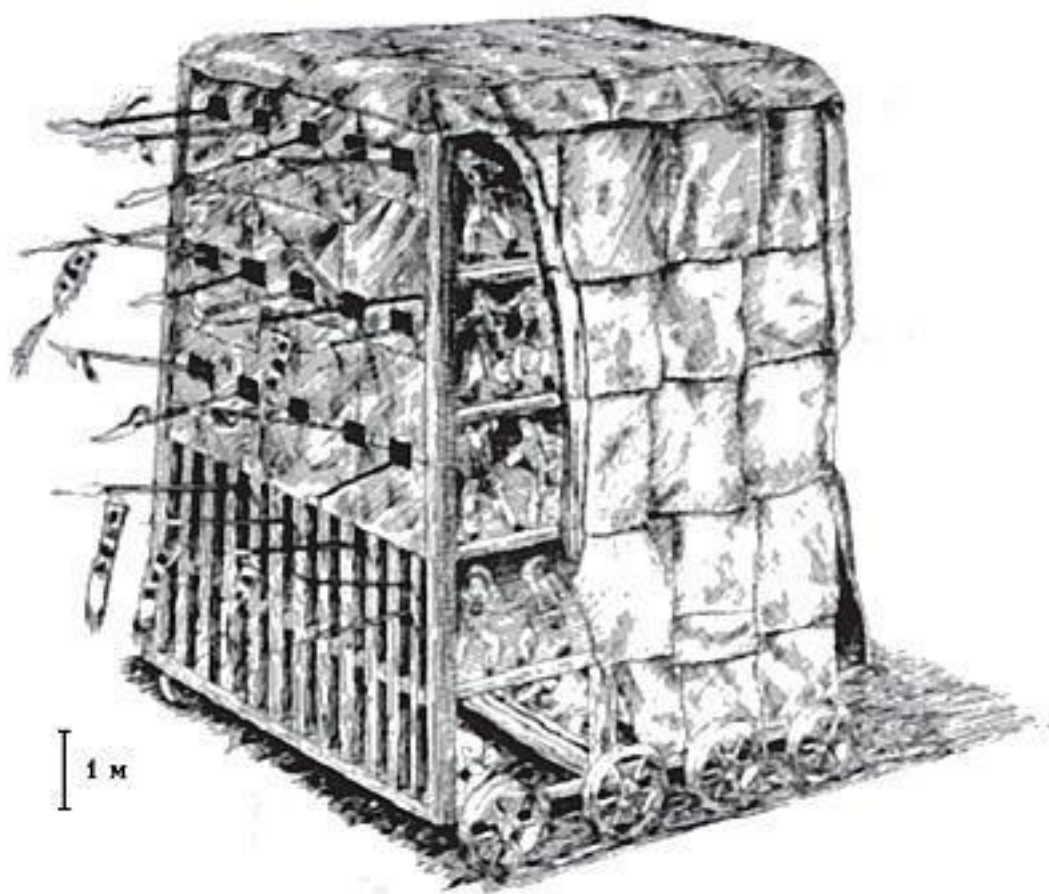
Великая Китайская стена сегодня

Но в этот момент произошло весьма знаменательное событие: в 207 году Лю Бэй пригласил к себе на службу Чжугэ Ляна, известного под именем «Дремлющий дракон». Согласно легенде, пятидесятилетний член императорского дома Лю Бэй ходил на поклон к простому 26-летнему юноше-даосу трижды; видимо, дела его действительно были плохи, и в конце концов Чжугэ Лян согласился служить ему. В результате события приняли совершенно неожиданный оборот.

ПОЛКОВОДЦЫ

Цао Цао (*Мэн-дэ*; известен также как *Вэйский У-ди*) (155–220) – китайский полководец и государственный деятель, поэт, живописец, автор сочинений по военному искусству, потомок Цао Цана, премьер-министра династии Восточная Хань.

Цао Цао – личность весьма неординарная. Для китайцев он является одной из наиболее ярких и узнаваемых фигур национальной истории. В его распоряжении находились самые многочисленные армии древности – числом до миллиона воинов (не менее 2 процентов населения тогдашнего Китая и зависимых от Поднебесной государств: это было рекордом вплоть до эпохи тотальных войн XX века). Он был очень умен, расчетлив, холоден и жесток, обладал военным талантом и имел врожденное политическое чутье. Все эти качества помогли Цао Цао взять вверх над многочисленными противниками.

Есть свидетельства, что такую «повозку для взятия городов» изобрел Чжугэ Лян

Однако все его успехи обеспечивались суровым отношением к подвластному населению и репрессиями в отношении побежденных. Цао Цао имел репутацию чрезвычайно жестокого человека. От подданных он требовал абсолютной и полной покорности и обращался с ними на редкость бесцеремонно. Палочные наказания даже для высших армейских чинов были у него в порядке вещей. Но, являясь неограниченным диктатором, Цао Цао до самой смерти сохранял внешний пиетет по отношению к императору и предпочитал получать чины и звания от него, нежели присваивать их себе самостоятельно.

Цао Цао не раз терпел поражения, однако благодаря железной выдержке умел извлекать из них пользу, словно из побед: он проигрывал битвы, но выигрывал войны. Он легко мог

пожертвовать жизнью друга или брата, если это было нужно для дела, но не любил убивать понапрасну. Он широко практиковал ложь, предательство, жестокость, но отдавал дань уважения благородству и верности, даже среди его врагов, и старался подбирать себе умных и талантливых слуг. Он отлично разбирался в людях и находил своим подчиненным наиболее подходящие должности. Отличные организаторские качества Цао Цао позволили ему собрать боеспособную и слаженную армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.